

Эдуард Стрельцов

Вижу поле...

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Э27

Э27 **Эдуард Стрельцов**
Вижу поле... / Эдуард Стрельцов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 187 с.

ISBN 978-5-458-33170-8

ISBN 978-5-458-33170-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

свою службу. В наших жизнях стоит разобраться. Что-то в них есть. Для чего-то же собирались люди на нашу игру посмотреть. Вспоминают нас время от времени — в этом я убедился, когда поездил по стране с командой ветеранов.

Пока играешь, все очень охотно вникают в трудности твоей жизни, соглашаются считать ее особенной, необыкновенной.

Потом же, когда начинаем мы блуждать в неожиданных для многих из нас сложностях самой что ни на есть обыкновенной жизни, от которой невольно отвлеклись, отвыкли в режиме напряженных спортивных занятий, нам чаще всего сочувствуют, помогают советом, но вникают в проблемы уже с гораздо меньшим интересом. С каким-то даже раздражением удивляются на нас: вот ведь люди, не хотят понять, что бывшее больше не повторится, бывшего не воротить. Что прошло, то прошло.

Умом-то мы и сами это понимаем. Но сердцу не прикажешь — сразу все позабыть.

Вспоминать нам, кстати, никто и не запрещает. Напротив, советуют, вспоминайте, пожалуйста, на здоровье.

Но для здоровья-то нам и надо бы не слишком отделять воспоминания от своего сегодняшнего дня, как-то связать одно с другим, понять, что из прошлого сейчас мне может пригодиться.

Я думаю о футболе и перестав играть. И кое-что понимаю в нем лучше, правильнее, как мне кажется...

И в книге я не могу ограничиться одними воспоминаниями — все только о том, что прошло...

А если я сегодня многое понимаю не так, как вчера?

Я не меняюсь, как мне кажется. Но становлюсь ведь старше — появляется привычка чаще думать о своей жизни.

Не скрою, что были у меня времена, когда футбол как бы сам все за меня решал, как бы в благодарность за то, что я умел в него играть.

Существовала, как мне кажется, сила, всегда направлявшая меня в решающие моменты к нужной цели, в необходимую для смысла тогдашней моей жизни сторону.

Не всегда я знал, как по-настоящему, по-умному распорядиться этой данной мне от природы силой.

Но я всегда знал, что только с футбольного поля, только в игре я мог достойно ответить на то особое к себе отношение, которое неоднократно за свою жизнь приходилось мне ощутить.

Сейчас я выхожу на поле лишь в матчах ветеранов — это

особый разговор, это футбол, который совсем по-другому воспринимается.

Но никто из нас, ветеранов, не верит в свою разлуку с большим футболом навсегда.

Кто я без футбола?

Нет, я не про тот футбол буду рассказывать, что прошел и только иногда кому-то вспоминается.

Я про тот футбол хочу сказать, что продолжается во мне.

И точно знаю: как бы беспорядочно наш разговор ни складывался, к тому, что всегда меня волнует в футболе, я обязательно вернусь.

А лишнее, несущественное пусть уж товарищ, взявшийся записывать, что я рассказываю, без сожаления вычеркивает — футбол из моей жизни не вычеркнешь и меня, надеюсь, не вычеркнешь из него.

Так уж получается, что пока играешь в футбол, многое вокруг себя замечаешь, но от мыслей о многом на какое-то, иногда и продолжительное время как бы освобожден. Мысли-то приходят, но ты от них отмахиваешься — ответственная игра на носу, столько людей ждет от тебя прежде всего хорошего футбола. И о том, что предстоит, только и думаешь. Остальное — побоку.

Но смотришь потом — казалось бы, в футбол играл и ни на что большее тебя не оставалось, а нет ведь: футбол все равно столкнул тебя со всем, что составляет жизнь. Неважно — сразу уловил ты это или время потребовалось для понимания таких вещей.

Важно, что понял наконец.

А то какая же может быть книга, когда ты без мяча ни шагу?

Так и в футболе — большую часть времени на поле производишь без мяча...

Ведущий литературную запись просит оставить за ним право иногда вторгаться в авторское повествование репликами-ремарками.

Стрельцов ведь не просто вспоминает, рассказывает, рассуждает, но ищет продолжения своей судьбы и как бы на глазах у читателя обретает себя в новом качестве, утверждается в тех взглядах, которые возникли у него и после завершения карьеры игрока.

Конечно, Стрельцов входит в свой автопортрет с мячом.

По-другому и не может быть...

Но жизнь Стрельцова в футболе необычна, противоречива. А захочет ли он особо подчеркнуть моменты, об этом свидетельствующие? К чему-то, что для иного стало бы психологическим барьером, он подходил вдруг просто и легко, относился без страха, без оглядки на прежние промахи, неудачи, неприятности. Так во всяком случае казалось. Казалось, что в подобной безоглядности есть сходство с сороконожкой, которая, если подумает, с какой ноги ей пойти,— оступится. Впрочем, для талантов такое сходство — не редкость.

Навязывать же автору воспоминание о незамеченном, непережитом, им лично не прочувствованном или забытом, в конце концов значит сразу нарушить достоверность, столь любимую Стрельцовым естественность.

Поэтому реплики-ремарки послужат иногда не столько комментарием, сколько фоном (или своего рода рамкой) для рассказа о том, что показалось наиболее существенным самому Стрельцову.

Внесены реплики будут исключительно с согласия рассказчика и только в те паузы рассказа, которые Стрельцов, а никто другой, сочтет наиболее уместными.

Футбол никогда не был труден для Стрельцова, но жизнь его в футболе была трудной.

Стрельцов — характер в большом спорте.

И особенности работы над этой книгой непосредственно связаны с особенностями ее автора.

...Стрельцов откровенен в ответах. Спроси его о чем угодно — приятном или неприятном — ответит.

Правда, иное воспоминание омрачает его настроение, и дальше он не хочет вспоминать, переводит разговор — как об этом напишешь?

Каких-то моментов из тех, что привлекали всеобщее внимание, всем вроде бы известных, уже описанных, он вдруг не помнит. Действительно, не помнит — ему они не показались существенными.

Иногда он рассеян, легкомыслен в разговоре — и это легкомыслие очень соблазнительно перенести на бумагу, оно характерно для него, но характерно в контрасте с таким Стрельцовым, каким он бывал на поле в мгновения предельной мобилизации.

Конечно, хотелось бы представить в книге фрагменты стрельцовой сосредоточенности, свидетелем

которой бывал в разные из его футбольных времен.

Воспоминание двадцатилетней давности. «Торпедо» предстоит игра с московским «Динамо». Торпедовский автобус плывет сквозь толпу к Северным воротам динамовского стадиона. Стрельцову вынужденно предстоит играть с недоленной травмой (нет соответствующей замены, он необходим команде), но с какой-то веселой невозмутимостью сидит он не в кресле, как остальные игроки, а впереди, на табурете, рядом с шофером, крутит регулятор приемника, отыскивая отвечающую настроению команды музыку. Снаружи к стеклам автобуса притискиваются возбужденные лица болельщиков, на Стрельцова смотрят с яростным любопытством не только торпедовские болельщики — он бывал в такие минуты всем интересен.

А в нем никак внешне не ощущается встречное возбуждение — ни от внимания к себе, ни от предстоящей игры...

Но как, однако, естествен Стрельцов в этом странном спокойствии...

Мяча, правда, в изображенном эпизоде нет, но он как бы уже обозначен в автопортрете — за мячом дело не станет.

Мяч не сразу появился, но появился в тот день, который посчитаем своего рода конспектом книги, конструкция которой тогда же и наметилась: свободный рассказ Стрельцова с комментариями-ремарками.

В этот день мы поехали на стадион «Авангард». Стрельцова пригласили присутствовать на финальном матче мемориала Аничкина.

Виктор Аничкин был известным игроком московского «Динамо», выступал вместе со Стрельцовым за сборную СССР, а незадолго до безвременной своей смерти работал тренером на стадионе «Авангард».

Один из устроителей позвонил накануне и обещал прислать за Стрельцовым машину — черную «Волгу», как он подчеркнул.

Но никто в положенный час не заехал. И мы отправились на трамвае. Вернее, на двух трамваях — без пересадки от дома Стрельцова до «Авангарда» не добраться.

Уже очутившись в полупустом по-дневному вагоне за раскаленными жарой первых осенних дней стеклами, Стрельцов сказал вдруг, что ехать-то нам почти до родных его мест — до Перова.

Мы ехали в том направлении, где все с ним началось, где первый удар по мячу отозвался таким удивительным эхом. Эхом, в которое мы, собственно, и въезжали на трамвае, хотя нам еще и предстояла пересадка.

Не знаю, думал ли он об этом.

Я-то, оглушенный несколько будничностью поездки с Эдуардом Стрельцовым на стадион «Авангард», мало кому из московских футбольных завсегдатаев известный, вспоминал тесноту не то чтобы стадионов, но и самих улиц перед стадионами, на которых выступал Стрельцов.

Я видел его, разумеется, не только на поле, но и проходящим сквозь переполнявшую подступы к трибунам стадиона толпу, захлестнутым шумом узнавания, в который он запахивался обыденно уютно, как в плащ.

Но так ли уютно ему в обыкновенных буднях, как бывало в буднях славы (к людям его уровня известности такое определение применимо, не так ли)?

Мы молчали дорогой. Я неловко себя чувствовал из-за невольных наблюдений за ним и от тех мыслей, что приходили в голову в связи с наблюдениями, которых требовала книга. Кажется, я уже догадывался о неизбежности записывать не одни лишь разговоры, но и молчание, недосказанное, не высказанное впрямую.

Он, так получилось, диктовал мне это молчание — книга начиналась.

Вслух же он сказал: «Удостоверение заслуженного мастера забыл... Могут же не пропустить».

Но никакого контроля вообще не было — нас пропустили беспрепятственно.

На «Авангарде» проводились какие-то соревнования школьников. Финал мемориала, в котором, как позже выяснилось, встречались две заводские команды, намечался на более позднее время. И пришедшего загодя Стрельцова никто не встречал. Сам же он не представлял, куда идти, к кому обращаться. Но никакой обиды, никакого недовольства в нем я не заметил. Он

смотрел на происходящее здесь без особого любопытства, но и без раздражения.

Мы присели на скамейку невысоких трибун, стали смотреть на бегających по гаревой дорожке школьников. И тут появился пригласивший и не заехавший за Стрельцовым устроитель и повел к директору стадиона.

Директор сказал, что он давний болельщик «Торпедо» и рад познакомиться со Стрельцовым.

Потом директора отозвали по какому-то делу. Вернувшись, он сказал, что сотрудницы стадиона просят разрешения взглянуть на Стрельцова, — и в кабинет вошли две женщины, как выяснилось из дальнейшего разговора, не такие уж заядлые болельщицы футбола, но «кто же не знает Стрельцова?!».

Стрельцов воспринял интерес к себе как должное. Он несколько не удивился высказанному директором сожалению, что до сих пор в Перове не разыгрывается приз Стрельцова для школьников. Сказал только, что откуда-то из-под Донецка получил письмо от ребят, приглашавших приехать, посмотреть турнир, посвященный ему.

Потом заговорили о том, что перед сегодняшним матчем хорошо бы Стрельцову сказать несколько слов и сделать первый удар по мячу.

Насчет первого удара он спорить не стал, улыбнулся, но от речи попробовал уклониться. Однако когда ему стали подсказывать возможные варианты выступления, Стрельцов уже принял решение: «Я скажу, каким Витя был товарищем!»

У микрофона он, однако, вяло и тихо скомкал несколько невыразительных слов.

...Потом надо было произвести ритуальный удар по мячу, и Стрельцов шагнул от микрофона на поле. Шагнул, как все в этот будний день делал, буднично, не меняя слегка валкой своей походки, направился к центру. Но прикоснувшись подошвой обычных своих туфель к непрестижному газону «Авангарда», он моментально очутился в ином зрелищном измерении. Да, скромная картина, открывшаяся собравшимся здесь немногочисленным болельщикам цеховых команд, после введения в ритуал такой фигуры, как Стрельцов, немедленно преобразилась. И ему уже ничего не оставалось, как процитировать себя — он пробил пяткой.

И на завизированном им поле началась игра, по окончании которой победители сфотографировались вместе со Стрельцовым.

Стрельцов не тот человек, который мог бы после ритуала покинуть трибуну, я догадывался, что он останется и вежливо досмотрит игру.

Он смотрел на поле с интересом.

Мне приходилось слышать от него сдержанные оценки и самых знаменитых игроков. Представлял я и меру его снисходительности.

Но, по-моему, никто из сидящих рядом с ним не ожидал, что он захочет вникнуть в ситуацию, отнесется с уважением к событиям развернувшейся перед ним игры, по-любительски беспорядочной. Он не сопереживал, но вполне сочувствовал тем, кто был сейчас на поле. Он ни в коем случае не смотрел на них свысока — смотрел глазами человека, знающего, как трудна игра, перед загадками которой в чем-то и равны — к счастью ли, к сожалению — и великие таланты, и бездарности.

И я подумал, что от непосредственности Стрельцова-зрителя, возможно, и начиналась его непосредственность игрока, ставшего ни на кого не похожим мастером.

Вот так, наверное, когда-то впервые он увидел футбол и удивился ему. И удивление так и не оставило его, достигшего в этой игре вершин, приобретшего имя, которое стоит лишь произнести, как сразу же возникают картины футбола, отмеченного фамильным своеобразием...

В перерыве к Стрельцову подошел человек, напомнивший, что они вместе играли за команду завода «Фрезер». Человек этот говорил возбужденно, напористо, словно приведенные им эпизоды и названные сейчас фамилии игроков первостепенно важны и что-то могут прояснить, изменить в жизни сегодняшнего Стрельцова. Стрельцов, как ни странно, помнил все и всех, но эмоций никаких не проявил. Бывший партнер отошел от него тем не менее обрадованный, лишний раз убедившись в той удаче, что ему выпала, — быть в одном со Стрельцовым футболе. Футбол способен соединять людей и разъединять. И подтверждение факта соединения всегда приятно.

Потом к нему обратился неспортивного вида муж-

чина, попросивший автограф для сына. Как эрудит, он захотел уточнить, как был забит Стрельцовым гол на Мельбурнской олимпиаде в ворота болгарской команды. Стрельцов доверительно сказал, что мяч с ноги срезался — бил в один угол, а попал в другой... Болельщик-эрудит видимо растрогался от такой откровенности и захотел продолжить разговор. Спросил о перспективах сборной в чемпионате мира. Стрельцов сказал, что будет трудно. Желая хоть немного еще продлить беседу, болельщик задал, пожалуй, самый глупый вопрос, какой только можно задать специалисту: как сыграют сегодня «Торпедо» и ЦСКА? Стрельцов мягко ответил, что не знает.

На матч своего клуба с ЦСКА он уже не рассчитывал попасть к началу, но посмотреть второй тайм по телевизору все-таки надеялся.

Однако и к спортивным новостям программы «Время» Стрельцов в тот день не успел...

...Он вступил в разговор, как вступал обычно в игру. Сразу двинулся в направлении, открывшемся ему в ожидании, похожем на затяжной парашютный прыжок.

Большинство из собравшихся в этом тесном кружке близких Аничкину людей он, конечно, знал и раньше, но не слишком уж хорошо. Но он любил Аничкина, и память о нем заставляла Стрельцова быть совершенно доверительным с теми, кто собрался в этом застолье.

Воспоминание разбередило, как давнюю рану, важную, очевидно, для Стрельцова мысль, и сейчас он уже неудержим был в желании высказать то, что совсем не удалось ему перед микрофоном.

Ему важно, оказывается, было сказать о тех отношениях, что связывают людей в большом спорте. О возможностях дружбы и препятствиях, возникающих и разрушающих дружбу, отдаляющих людей друг от друга.

Волнение разгорячившегося Стрельцова передалось собравшимся. Стрельцов, которого они ждали и рады были увидеть, общением с которым по-детски искренне гордились сейчас, представился им с новой и несколько неожиданной стороны.

Рассказанное Стрельцовым в тот день отчасти напоминало рекламный ролик к кинофильму — мелькнули

захватывающе интересные сцены, но для того, чтобы уловить их связь между собой, предстояло последовательно рассмотреть весь сюжет...

Конечно, я не думаю, чтобы Стрельцов «репетировал» тогда предстоящую книгу.

Но работа над книгой тем не менее уже началась, и не исключая, что подспудная деятельность воспоминания уже происходила в нем. Он невольно нащупывал сопряжения в рассказе о собственной жизни...

И в литературной записи его рассказа очень бы хотелось обнаруженную тогда интонацию сохранить...

ФУТБОЛ — И БЕЗ МЕНЯ?

Какими же шагами шел я вперед тогда — в свои первые в большом футболе сезоны?

Сейчас и самому не очень верится, что такое могло быть. А в те времена — никаких сомнений, что все и дальше так будет.

Я чувствовал себя вполне готовым к следующему, гигантскому, как я надеялся, шагу.

И до сих пор думаю — шаг этот я бы сделал.

Если бы... Четыре дня ведь всего оставалось до отъезда в Швецию, на мировой чемпионат...

И не в том даже дело, что меня тогда часто хвалили за игру, меня, случалось, и поругивали. Но я не переставал радоваться тому, что играю в тот футбол, который люблю, и могу свою правоту доказывать на поле.

Мне представлялось — все еще впереди.

Я же чувствовал свои возможности как игрока и надеялся, что очень скоро смогу себя выразить в полную силу.

Я не сомневался, что первенство мира проведу на высшем уровне. И ребята все в сборной команде, по-моему, надеялись, что Эдик отыграет, как ему положено...

Разочарую, наверное, кое-кого из будущих читателей, сразу их предупредив, что на печальном для меня эпизоде в Тарасовке, где готовилась к чемпионату сборная и откуда вместо Швеции я отбыл на милицейской машине совсем в другом направлении, останавливаться здесь не стану.

Тот, кто ради этого эпизода книгу раскрыл, может ее захлопнуть. Не огорчусь. Я человек, в жизни которого в ранней, подчеркну, молодости случилось большое несчастье, а не герой скандальной хроники. Стопроцентно уверен — не должно было со мной такого произойти. Но — произошло, никуда теперь от этого не уйдешь.

Я не оправдываюсь. И тогда, между прочим, не оправдывался, хотя, теперь-то можно сказать, мне пытались подсказывать различные пути к самооправданию.

Я понес наказание, за все расплатился сполна.

И вернулся в футбол.

Вот о чем я хочу рассказать: как играл в первые свои сезоны, как переживал разлуку с большим футболом, как возвращался в него и дальше играл, как и чем живу сейчас...